

Восточный дворец в послеобеденное время всегда окутан тишиной, словно забытой среди столичной суеты. Солнечные лучи пробиваются сквозь резные деревянные переплеты окон, рисуя на холодном кирпичном полу причудливые узоры света и тени. В воздухе танцуют мельчайшие пылинки, и лишь редкий шелест переворачиваемых страниц нарушает это оцепенение.

Сяо Цзинъянь сидит за письменным столом у окна. Книга в его руках, но взгляд не скользит по строчкам. Он опустил глаза, и длинные ресницы отбрасывают на лицо легкую тень. В мягком сиянии света его профиль кажется размытым, и невозможно угадать, о чем он сейчас размышляет. С того дня, как в Восточный дворец прислали евнуха по имени Сяо Линьцзы, прошло уже несколько суток. Тот ведет себя крайне осторожно, почти не издает лишнего шума, а все поручения выполняет безукоризненно, можно даже сказать — идеально. Но чем больше он старается, тем сильнее растет в душе Цзинъяня желание разобраться, что он за человек. Ему нужен не очередной пугливый слуга, который лишь умеет избегать ошибок, а союзник, способный протянуть руку помощи в безвыходной ситуации.

Сяо Линьцзы, он же Линь Су, стоит в тени угла кабинета, покорно опустив голову, словно предмет мебели, слившийся с обстановкой. Он максимально приглушил свое присутствие, дышит едва слышно, а взгляд устремлен в точку перед носками собственных сапог. Однако всеми органами чувств он улавливает всё, что происходит в зале: ритм, с которым наследный принц листает страницы, перемены в шуме ветра за окном, отдаленные шаги. Это инстинкты, отточенные годами жизни в глубине дворца: наблюдать, оценивать и лишь потом решать, скрываться или действовать.

Тихий шорох шагов приближается, нарушая покой. В кабинет входит обычный на вид евнух с бегающими глазами, держа в руках поднос из красного дерева. На нем — чашка свежесваренного чая и тарелка с изысканными закусками.

— Ваше Высочество, прошу к чаю, — голос евнуха слегка дрожит от едва уловимого волнения. Он ставит поднос на край стола и поспешно пытается удалиться.

— Угу, — не поднимая головы, сухо отзывается Цзинъянь.

В тот самый миг, когда евнух разворачивается, чтобы уйти, Сяо Линьцзы, до этого застывший, словно изваяние, внезапно приходит в движение. Он делает шаг вперед и, как ни в чем не бывало, достает из рукава чистый хлопковый платок.

— Ваше Высочество, позвольте мне протереть край чашки, — почтительно произносит он. — Похоже, у слуги, принесшего чай, руки были в воде, не хотелось бы, чтобы вы испачкали рукава.

Его движения естественны и плавны, будто он просто выполняет обязанности верного слуги. Пока он говорит, его пальцы, казалось бы, случайно касаются крышки и стенок чашки, а ноздри едва заметно раздуваются. В это краткое мгновение, подобное вспышке молнии, он чувствует на чашке легкую маслянистость, не соответствующую температуре чая, а в нос

ударяет едва уловимый, перекрытый ароматом заварки странный сладковато-кровавый запах.

Это не запах чайных листьев. Скорее, это что-то вроде особо обработанного яда, который при нагревании начинает медленно выделять токсины. Он не убивает мгновенно, но при постоянном употреблении способен подорвать здоровье человека до основания.

Евнух, принесший чай, замирает. По его лицу пробегает тень паники, но он берет себя в руки:

— Н-нет, не стоит утруждать себя, господин Линь, это я, неуклюжий...

Взгляд Сяо Линьцзы внезапно становится острым, как ледяная игла, вонзаясь в евнуха. Хотя он тут же снова опускает глаза, одного этого мгновения давления хватает, чтобы того пробила дрожь, и слова застревают у него в горле.

Цзиньяннь наконец поднимает голову. Он смотрит не на перепуганного слугу, а на Сяо Линьцзы. Тот по-прежнему стоит в почтительной позе, но кончики пальцев, поддерживающие поднос, едва заметно дрожат — это знак предупреждения, скрытый за внешней невозмутимостью.

Воздух в кабинете словно застыл.

Сердце Цзиньяння падает. Неужели началось? Настолько не терпится, что прибегли к таким низким приемам? Однако внешне он остается невозмутим и лишь спокойно машет рукой евнуху:

— Ничего страшного, ступай.

Евнух, словно получив помилование, почти выбегает из кабинета, спотыкаясь на ходу.

В кабинете снова остаются лишь двое — Цзиньяннь и Сяо Линьцзы, да чашка, источающая тепло и скрытую угрозу. Сяо Линьцзы застыл в той же позе, не шевелясь.

Цзиньяннь молчит, глядя на чашку. Его голос звучит едва слышно, только для них двоих:

— Что не так?

— Ваше Высочество, — голос Сяо Линьцзы звучит так же тихо и четко, речь размеренна, — на крышке и краях чашки есть следы тончайшего маслянистого налета, это не тот жир, что используют на кухне. В аромате чая чувствуется странная сладковатая нота, похоже, это корень лозы Спутанных Нитей, растертый со слюной змеи. При нагревании яд начинает действовать: сначала вызывает апатию и слабость, а при длительном приеме... губит сердце, и никакие снадобья не помогут.

Он говорит спокойно и ясно, словно описывает обычные травы. Если бы не многолетний опыт или выдающаяся проницательность, распознать такое было бы невозможно.

У Цзинъяня холодеют кончики пальцев. Он слышал о лозе Спутанных Нитей — это грязная вещь, которая иногда всплывает в дворцовых интригах. Противник даже не удосужился скрыть злобу в этой первой попытке, или же это дерзкое предупреждение: в глубине дворца жизнь Сяо Цзинъяня не стоит и ломаного гроша.

Он смотрит на Сяо Линьцзы. Тот по-прежнему опустил глаза, выражение лица не разобрать, но прямая спина и твердо держащие чашку руки выдают необычайное самообладание. Он не поднял паники, не бросился выслуживаться, а самым незаметным способом нейтрализовал это первое смертельное испытание.

— И что ты предлагаешь? — спрашивает Цзинъянь, в его голосе не слышно эмоций.

— Действие яда медленное, от одного-двух раз вреда не будет, — вполголоса отвечает Сяо Линьцзы. — Ваше Высочество, выпейте, как обычно. Тогда они решат, что попытка удалась, ослабят бдительность и поверят, что вы ничего не заподозрили. Я позабочусь об остатках чая, не оставив следов. Только так можно втайне выследить отравителя и того, кто за ним стоит, не спугнув их раньше времени.

Цзинъянь пристально смотрит на него. План холоден до жестокости, но, несомненно, это самое разумное решение сейчас. Чтобы выпить эту чашку, нужны огромное мужество и абсолютное доверие к суждению этого человека. Но если он сейчас перевернет чашку, это приведет лишь к бесполезному скандалу без доказательств и заставит врага действовать еще более скрытно и беспощадно.

Он делает ставку. Ставку на то, что этот евнух по имени Сяо Линьцзы стоит того, чтобы рискнуть.

— Хорошо, — роняет Цзинъянь и, протянув руку, уверенно берет чашку.

Чай теплый, поднимающийся пар затуманивает его тонкие черты лица. Он спокойно смотрит на золотистую жидкость, а затем медленно подносит чашку к губам и выпивает всё до дна. Движения изящны и неторопливы, словно он пьет не смертельный яд, а божественный нектар.

Лишь побелевшие пальцы, крепко сжавшие край чашки, выдают его внутреннее волнение.

Сяо Линьцзы всё это время стоит с опущенной головой, но в тот момент, когда Цзинъянь пьет, он быстро бросает взгляд на окно и дверь, чтобы убедиться, что никто не видит, как наследный принц выпил этот чай.

Жидкость течет по горлу, отдавая легкой горечью, а странный сладковатый привкус

становится еще заметнее. Цзинъянь, не меняясь в лице, ставит пустую чашку на поднос, лишь кончики пальцев едва заметно подрагивают.

Сяо Линьцзы тут же подходит и тщательно протирает чашку платком внутри и снаружи, особенно края, к которым прикасался принц, чтобы не осталось следов, которые могли бы обнаружить при проверке серебряными иглами. Затем он берет поднос и почтительно говорит:

— Ваше Высочество, я принесу вам свежего чаю.

— Не нужно, — Цзинъянь снова берет книгу, голос звучит мягко, как обычно, будто ничего не произошло. — Я сегодня устал, хочу побыть в тишине.

— Слушаюсь, — отвечает Сяо Линьцзы и, неся поднос с пустой чашкой, покорно и уверенно выходит из кабинета.

Оказавшись в коридоре, где никого нет, он на мгновение останавливается. Быстро прячет платок глубоко в рукав — на нем остались смертельные улики. Глядя на пустую чашку на подносе, он чувствует, как в глубине души разливается ледяной холод.

Дворцовые интриги воистину никогда не затихают. Сегодня медленный яд, а что будет завтра? Принц выпил этот чай так решительно — эта выдержка и твердость духа совсем не вяжутся с его мягким обликом.

А он сам уже вступил в самый центр этого водоворота, и пути назад нет. Нужно быть еще осторожнее: защитить этого на вид мягкого, но внутренне стойкого принца, да и самому выжить в этом месте, где едят людей.

Он поднимает глаза на квадратное небо Восточного дворца. Солнце светит ярко, но отчего-то становится не по себе. Тот евнух, что принес чай, уже исчез, но его испуганное лицо навсегда отпечаталось в памяти Сяо Линьцзы.

Эту ниточку нужно распутать до конца.

Сяо Линьцзы идет к чайной комнате, не сбавляя шага, с обычным выражением лица, словно просто выполнил рядовое поручение. Однако платок в рукаве кажется тяжелым, словно невидимые тучи, тихо сгущающиеся над Восточным дворцом.

В кабинете Сяо Цзинъянь долго не переворачивает страницу. Он смотрит в окно, взгляд его полон глубокой задумчивости. В горле словно до сих пор стоит привкус чая, вызывая психологический дискомфорт.

Этот евнух... Линь Су... сколько еще навыков он скрывает? Сегодня он распознал яд, предложил план и хладнокровно всё уладил. Сможет ли он действительно стать его

единственной опорой в этой безвыходной ситуации?

И было ли правильным то почти инстинктивное доверие, которое он проявил?

Сяо Цзинъянь слегка прижимает руку к груди. Там, из-за той чашки и недавнего безмолвного противостояния, сердце бьется чуть быстрее, с оттенком неуверенности.

Кризис, кажется, временно миновал, но тревога, словно скрытое течение, начинает тихо бурлить под кажущимся спокойствием Восточного дворца. Кто стоит за тем евнухом-отравителем? И когда ждать следующего удара?

<http://bllate.org/book/21784/2252690>